

К ВОПРОСУ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ УКРАИНЫ
ПОСРЕДСТВОМ ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ГРУПП

Идея финансово-промышленных групп (ФПГ) давно привлекает многих украинских экономистов, политиков, предпринимателей и банкиров. В частности, по словам С. Тигипко, создание ФПГ поможет выявить экономические приоритеты, сконцентрировать ресурсы в самых передовых отраслях промышленности и синтезировать в одной структуре разнородные капиталы с различными циклами воспроизводства [1]. В. Дикань считает, что ФПГ могут укрепить хозяйственные связи, противостоять спаду производства, обеспечить денежную стабилизацию, повысить внешнеэкономическую конкурентоспособность украинских товаров, создать предпосылки для диверсификации производства и ускорить структурные сдвиги в экономике [2]. Вместе с тем, общеизвестно, что страны - лидеры экономических реформ в Восточной Европе (Чехия, Польша, Словения) не рассматривали создание ФПГ в качестве первоочередной задачи. Вместо этого их правительства в кратчайшие сроки реализовали действенные антиинфляционные меры, подкрепленные политикой фиксированного обменного курса: бездефицитный бюджет, ограничение роста денежной массы, налоговую реформу. Параллельно делались шаги по стимулированию конкуренции на внутреннем рынке за счет либерализации внешней торговли и всеохватывающей приватизации в условиях ограничения влияния структур государственного управления.

Не отрицая возможности положительного развития экономики Украины в направлении создания ФПГ, проанализируем потенциальные ограничения концепции ФПГ: затормозятся структурные преобразования, активизируются инфляционные процессы, чрезмерно распространится идеология протекционизма, укрепится влияние корпоративных структур как формы согласования интересов частного бизнеса, менеджеров государственного сектора экономики и политической элиты.

Несмотря на распространенные стереотипы, было бы ошибкой связывать успехи, к примеру, Южной Кореи с функционированием ФПГ. Во-первых, существующие конгломераты - Самсунг, Хэнде, Дэу, Голдстар являются частными фирмами с момента основания. Во-вторых, южнокорейские гиганты возникали вполне органично благодаря расширению производства и увеличению объемов реализации продукции на мировых рынках, но никоим образом не вследствие смешивания с банковским капиталом. В-третьих, в Южной Корее функционируют именно промышленные конгломераты, а не ФПГ в украинском их понимании. Южнокорейские компании не связывают свое будущее с присутствием в собственных структурах коммерческих банков, отдавая предпочтение реинвестированию полученных прибылей и использованию кредитных ресурсов финансового рынка. В-четвертых, участие государства как полноправного хозяина в Южной Корее полнее всего проявляется именно в регуляции финансового рынка, а это вряд ли вызовет восторг у украинских банкиров - активных пропагандистов идеи ФПГ.

Некоторые украинские идеологи ФПГ ориентируются на Японию, где промышленные предприятия, холдинговые компании, банки и торговые структуры действительно образуют мощные финансово-промышленные объединения. Снова-таки важно избежать стереотипов: во-первых, японские ФПГ имеют исключительно частный характер (наибольшие из них образовались на почве семейного бизнеса нескольких влиятельных кланов - Мицуи, Сумитомо, Мицубиси, Ясуда и др.); во-вторых, в межвоенный период ничем особенным японские ФПГ не отличались; в-третьих, в конкретных условиях мировой экономики 2000-х гг. японские ФПГ постепенно утрачивают целостность внутренней структуры под давлением конкурентных процессов, в частности, из-за того, что их внутренние цены превышают цены независимых производителей; в-четвертых, не являются секретом нынешние проблемы японских банков, обремененных недоброкачественными займами, что является неминуемым результатом координации деятельности ФПГ.

Идеи ФПГ не получили распространения в Китае. Хотя именно здесь было бы логично ожидать появления ФПГ смешанного государственно-частного происхождения, учитывая заметную роль государства в экономике. Исходные условия реформ в Китае близки к украинским

и другим странам бывшего СССР. Однако в Китае ФПГ не существуют. Более того, на пути реформ китайцы обошлись без частного банковского сектора и освоения новых методов работы финансово-кредитных институтов. Вместо этого в поисках капитала китайские компании активно осваивают финансовые рынки, в первую очередь в Гонконге и Сингапуре.

В любом случае нельзя провести идентификацию опыта Азии в Украине, и вот почему.

1. Экономическое развитие Японии, Кореи, Тайваня и Китая протекает в условиях ценовой стабильности. Ни одна из этих стран не экспериментировала с инфляционными схемами наподобие стимулирования платежеспособного спроса.

2. В целом для стран Юго-Восточной Азии характерна ориентация на внешние рынки индустриально развитых стран, хотя теоретически многие из них (Япония, Индонезия, Китай) могли бы использовать емкий внутренний рынок.

3. В Японии, Южной Корее государство играло достаточно уверенную роль в экономике, сосредотачиваясь на обеспечении сбалансированной макроэкономической политики и не будучи полноправным хозяином (не владея контрольными пакетами акций и так далее). В Китае влияние государства намного заметнее, но ФПГ не создаются. Как это было до недавних пор в Южной Корее, китайское правительство жестко контролирует финансовый сектор и не допускает тесного переплетения интересов государственного сектора и частного бизнеса, опосредствованного участием коммерческих банков.

Можно отметить, что именно ценовая стабильность и инструменты ее достижения - низкодефицитный бюджет, жесткая монетарная политика в ходе реформ обеспечили высокий уровень сбережений в экономиках азиатских стран, а не деятельность финансовых посредников. Соответственно была создана возможность привлечения инвестиций в национальную экономику и использования с этой целью иностранного капитала. Иначе существовала бы угроза, что привлеченный иностранный капитал будет финансировать не инвестиции, а возросший уровень потребления.

Сравнение макроэкономических параметров транзитивных экономик существенно расширяет перечень возможных отрицательных последствий деятельности ФПГ в украинской экономике в случае, если государством не будут подготовлены условия к их созданию. В данном контексте стоит проанализировать латиноамериканский опыт, где идея объединить банки и промышленные предприятия в мощные группы под явным или неявным патронажем государства реализовывалась неоднократно.

Показательна ситуация в Чили в 1974-1982 гг. С начала массовой приватизации в 1974 г. многие промышленные конгломераты (так называемые группос) не только расширили масштабы основной деятельности, но и приобрели "собственные" банки через разнообразные холдинговые компании, пользуясь некоторой бесконтрольностью правительства и игнорируя формальные законодательные ограничения. В результате уже к концу 1976 г. возник первый финансовый кризис, первопричиной которого оказались недоброкачественные займы коммерческих банков предприятиям - участникам группос. В следующем 1977 г. правительство Чили было вынуждено спасать банк "Osorno" - собственность группы Fluxa, что создало сложности для функционирования банковской сферы Чили вследствие отвлечения финансовых ресурсов государства на погашение долгов коммерческой структуры, которая переправляла деньги за пределы страны.

Однако решительные меры по ограничению влияния группос на чилийскую экономику так и не были приняты. В 1979 г. 10 крупнейших группос включали 135 из 250 самых больших предприятий в Чили, а капитал контролируемых ими банков составлял 80% всего банковского капитала в стране. Это привело к соответствующим последствиям. Во-первых, ощущая поддержку банковского капитала, менеджеры группос начали утрачивать связь с реалиями рыночной экономики. Возник завышенный спрос на кредиты, отдельные группос начали активно привлекать иностранный капитал в форме кредитов в твердой валюте, быстро увеличивая внешнюю задолженность страны. Во-вторых, функции по обслуживанию группос искусственно вуалировали неэффективность чилийских коммерческих банков, унаследованную со времен инфляционного развития в 60-х - начале 70-х гг. В частности, в III квартале 1979 г. величина банковской маржи с учетом инфляции составляла 39,3%. В-третьих, поддержка банками предприятий группос в 1979-1981 гг. обнаружила себя в кредитовании безнадежных должников, что дополнительно углубило

кризисные явления. В-четвертых, считая себя (и небезосновательно) влиятельной силой в чилийской экономике, руководство группос надеялось, что правительство будет вынуждено спасать их структуры в случае возникновения серьезных проблем. Как выяснилось позже, это существенно повышало степень риска в деятельности группос и вело к безответственности и потерям в банковской сфере.

Проблемы начали вырисовываться в середине 1981 г., когда обанкротилась группа KRAV (ее менеджеры занимались еще и любительскими спекуляциями на мировом рынке сахара). В ноябре того же года правительство было вынуждено спасать два банка - "Esplanol" и "Talka". Однако из-за секретности и своеобразной круговой поруки проблемы длились еще год, и это лишь усилило масштабы краха к началу 1983 г.: в январе правительство Чили было вынуждено национализировать не только частные банки, но и их долги перед иностранными кредиторами. В критической ситуации, сложившейся вследствие кризиса платежного баланса 1981-1982 гг., похоже было, что семь лет рыночных реформ завели экономику Чили в тупик. К счастью, военная администрация генерала Пиночета не позволила скомпрометировать идею реформ образца 1975 г., концептуально правильную, что подтвердилось дальнейшим развитием событий в Чили и современным ходом процесса реформ в соседних странах - Бразилии и Аргентине [3].

С учетом мирового опыта основные выводы. Нельзя искусственно ускорять создание диверсифицированных конгломератов наподобие ФПГ в экономике переходного типа при условии, что отсутствуют такие атрибуты устойчивого экономического развития, как ценовая стабильность, бездефицитность бюджета и другие. Ценовая стабильность делает возможной аккумуляцию сбережений в национальной экономике и привлечение дополнительных иностранных инвестиций. Параллельно появились бы условия для структурной перестройки украинской экономики и естественного образования ФПГ.

Чтобы обеспечить ценовую стабильность, необходимо использовать потенциал жестких институциональных решений. Это может быть придание статуса монополиста в кредитовании Национальному банку Украины, аналогично тому, как это практикуется во многих индустриально развитых странах, или введение системы денежной палаты, проявившей свою эффективность в инфляционной экономике Аргентины.

ФПГ не смогут подменить весь комплекс мер для экономик, реформируемых или принадлежащих к переходному типу. Формирование промышленных или финансовых конгломератов в украинской экономике должно происходить естественным путем в условиях конкурентной экономической среды, ценовой и валютной стабильности.

Литература:

1. Тигипко С. Финансово-промышленные группы - шанс вывести страну из дикого рынка в цивилизованную систему. "Киевские ведомости" от 14.07.1995 г., с.7.
2. Дикань В. О создании финансово-промышленных групп в Украине. "Экономика Украины", №11, 1995, с. 36-37.
3. Подробное описание см.: Edwards S. and Cox A. Monetarism and Liberalization: the Chilean experiment. Chicago, London: the University of Chicago Press, 1991, 132 s.